

MEMORIA

Борис КРАСНОВ¹

**КТО ОН —
ЧЕЛОВЕК С ФОНТАНКИ?**

О поэте Александре Комарове

Поэт Александр Юрьевич Комаров (04.09.1945–17.11.2022) за свою сравнительно продолжительную творческую жизнь написал и издал всего восемь поэтических книжек. Последняя, восьмая, «Общие слова», составленная при жизни, вышла в свет уже после его смерти. Рассматривая их в своей библиотеке, я вижу, что все они какие-то *неубедительные* в смысле качества издания (не качества поэзии!)

Первая кассетная книжка «Штрихи» вышла в Лениздате ещё в 1984 году, тоненькая, 32 странички. Вторая, почти такая же тоненькая, — через восемь лет, третья — ещё через пять лет. Итоговая книга «Человек с Фонтанки» — в твёрдой обложке в 224 страницы была напечатана в 2013 году, но... почему-то без оглавления и чрезвычайно мелким шрифтом. Тем не менее, Александр Комаров — поэт настоящий и поэт, работавший до последних своих дней, тогда как многие его сверстники, друзья — поэты, сделавшие себе имя в советское время, — отказались от написания стихов, тем более от издания сборников за свой счёт.

Поэзия Комарова удивительно цельна. Когда он в своих книжках сводит воедино стихи, написанные буквально вчера и написанные двадцать-тридцать лет назад, трудно заметить этот временной разрыв даже искушённому читателю. И эта цельность

¹ **Краснов Борис Николаевич** родился в Ленинграде. В 1975 году окончил Электротехнический институт им. М.А. Бонч-Бруевича. Поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель собственных песен. С 1997 года член Союза писателей России. Автор 6 книг стихов, прозы и критики. Руководит Поэтической Мастерской при СПбО СПР. Живёт в Санкт-Петербурге.

ощущается несмотря на то, что поэт постоянно меняет форму, обращаясь то к белому стиху, то к верлибру, иными словами: к спорным жанрам, как Комаров сам называл свои «упражнения». Иные стихотворения действительно выглядят как упражнения, и в этом нет ничего зазорного, потому что настоящий поэт — это всегда ученик. Не случайно одну из своих книг Александр Комаров так и назвал — «Повторение пройденного». Это ли не дань вечному ученичеству!

Стремление охватить, освоить все жанры ощущается с первой книги; уже там есть и верлибры, и белые стихи, и стихи с парной рифмовкой, к которым у поэта особенно трепетное отношение:

*Я проснусь удивительным утром,
искупаюсь в заливчике утлом
и по улочке тонкой и гибкой
пробегу с непонятной улыбкой.*

А вот что пишет он о шестистопном ямбе, александрийском стихе, как вступает в его защиту:

*Твердят: «Размер тяжёл, стал скучным, неудобным...»
Глумиться бросьте вы над ямбом шестистопным!
Любой размер хорош! Запретных ритмов нет.
Всё дело только в том, каков ты сам, поэт.*

Поэт Александр Комаров всегда знает, о чём он говорит и для кого. Его стихи — при внешней простоте — всегда целенаправленны и потому — точны. Вот пример из первой книжки — стихотворение в одно предложение:

*Не город и не городок, / а просто городишко,
где над домишками дымок / седой и тощий слишком,
где самосвалы не ревут, / где петухами будят,
но где рождаются, / живут /и умирают люди.*

Как у любого поэта, у Комарова есть стихи о природе и стихи о художнике, живописующем природу. Размышляя о способности художника точно и честно передать линии и цвета этого мира, поэт в минуту сомнений убеждает и прежде всего самого себя:

*Милый друг, владея кистью, — / не пиши травы и листьев,
не пиши небес и рек, / безнадёжный человек.*

Но, преодолев этот минутный порыв, поэт снова, раз за разом, берётся за это безнадёжное дело — живописание словом.

На даче. Александр Комаров (справа) с Борисом Красновым

Его стихи о природе удивительно экономичны, но, вместе с тем, отнюдь не банальны. У поэта всегда найдётся пара-тройка новых слов и неожиданная метафора или эпитет, придающие убедительность описываемому пейзажу

*Горький запах берёзовых дров, / разгоревшихся в печке.
Небо — ясно. Мороз — не суров. / Лёд тончает на речке.
Как на солнце, светло на душе. / Птица пробует горло.
И ручьи разогнались уже, / и сверкают, как свёрла.*

Его мироощущению близки зимние, весенние пейзажи, пейзажи поздней осени, когда краски скуповаты и обнажены все линии. И хочется вслед за поэтом повторить:

*Да, бедноват пейзаж, / но не тосклив.
Охватывает головокруженье —
в таком невероятном напряженье
застыли ветви скрюченные лип.*

Есть у поэта и бытовые зарисовки, последние порой удивительно тонки и точны в передаче авторских ощущений. Вот к жене поэта поздно вечером приехал родной брат, поэт не спит, слушает голоса на кухне за стеной:

Он разбирал отдельные слова,
в беседу абсолютно не вникая,
себе отчёта не отдав сперва,
что слушал не слова, а то, какая
там речь необычайная текла,
вдруг ощутив с неявной тоскою,
что вся она наполнена была
терпенья, пониманья и покоя.

Этот покой общения совсем не то, что беспокойство поэта о своём назначении, о месте в этой жизни, наконец, в поэзии. Тема поэтического творчества постоянно волнует автора, он раз за разом возвращается к ней, то в сомнениях, то с твёрдой верой. Эти размышления, то мучительные, то наполненные самоиронией, пронизывают книгу «Человек с Фонтанки» и приводят автора к философским построениям, спорам то с самим собой, то с невидимым оппонентом.

Размышляя о превратностях творческих судеб, Александр Комаров пишет яркое и едкое стихотворение о драматурге Сухово-Кобылине; заодно он перебирает и всех сопутствующих его родственников. Достается и самому драматургу — кутиле и пьянице:

*Сей Александр, сынок Василия,
всего три пьесы написал
и без особого усилия
нежданно в классике попал.
Знать, нету правил обязательных;
мы только спросим без затей:
с кого же брать пример писателям
и как воспитывать детей?*

Наивный вопрос в конце стихотворения типичен для поэта Комарова, который неожиданно вдруг прикидывается простачком и метафорически разводит руки в притворном недоумении. Хотя вопрос-то серьёзен и ответ на него растворён в исторической ретроспективе... Как коварны гримасы Времени: последний становится первым, первый последним. О том же читаем в стихотворении «Второй»:

— Ох, Первый! Всё — ему: / Все лавры, сливки, пенки... —

воскликает автор в притворной (или нет?) зависти. Но тут же начинает разворачивать перед нами перспективы *второго*, который трудится *в тени первого* — не в лучах славы! — и который в итоге становится первым.

Есть в этом стихотворении известная доля лукавства, и в финале слышится потаённое: «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». Судьба своих стихов совсем не безразлична Комарову.

У Комарова был друг — здравствующий поныне, профессиональный философ, именно споры с ним, начинавшиеся в застолье под рюмку водки, поэт продолжал в своих стихах, облакая их подчас в формы назидательные, архаические, подражая мыслителям древности:

*Ежели ты молчалив, склонен к тихой беседе, —
правильно делаешь! Правильно судишь о жизни!
Говорунов, болтунов, трепачей, словоблудов —
косноязычных, затейливых, лживых, лукавых
много на свете. Но слушают — немногословных.*

И заключает поэт этот ряд назиданий и советов лукавой концовкой, противоречащей всему ранее сказанному. Она угадывается не сразу, поскольку прячется за красивой, броской сентенцией:

*Нет! — ничего я вещать и талдычить не стану!
Хлебом готов поделиться, а советом — увольте!*

В этой великолепной позе — Цицерон, да и только! — скрытая насмешка над всей философской машинерией! И над своим приятелем-философом прежде всего. Столько наговорил, насоветовал всего и тут же отрёкся от сказанного!

Но что есть философия? Нет, не с точки зрения профессиональных философов, а с точки зрения обывателя — человека, живущего в быту? Предполагаю, что для него философия — наука, должна помогать разбираться в жизни, в её поворотах и противоречиях. Наука, дающая ответы на сложные вопросы повседневности. Вопросы о своём месте в мире, вопросы о предназначении, которые мучили, в частности, и братьев Стругацких. И начинается она, эта наука философия, с сомнения. Сомнение заставляет человека задуматься: а всё ли правильно в мире, в котором я живу? И что за место я в нём занимаю?

Сомнение — вот движущая сила многих стихов Александра Комарова. Именно с сомнения начинается философское осмысление своего Я в этом мире, своего места и назначения.

*Влез в трамвай. Кондуктор видит это,
но не предлагает мне билета,
бродит по вагону взад-вперёд,
а с меня оплаты не берёт.*

Что это такое, в самом деле,
что меня в упор не разглядели?
Я — пустое место? Дух Святой?
Эй, кондуктор, объяснись, постой!
Но в ответ — ни взгляда и ни жеста.
Значит — вправду я пустое место...

Философия пытается найти ответ на вопросы вечных дихотомий: жизнь и смерть, добро и зло, правда и ложь, любовь и ненависть... Все мы изучали основы диалектического материализма, и ещё в памяти хранятся три формулы, три кита, *три аккорда* этой подзабытой ныне науки: закон отрицания отрицания, закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество. Но это — философия *книжная*. А есть ещё философия *народная*, сокрытая в мудрости пословиц и поговорок. Речевая память народа хранит некие правила жизни, некие истины и, что особенно ценно, эти правила и истины — противоречивы! Ведь с одной стороны: *без труда не выловишь рыбку из пруда*, а с другой: *от трудов праведных не наживёшь палат каменных*. Хотя особого противоречия тут как будто и нет: где палаты и где рыбка? Палаты ведь исстари давались не за труд, а за родовитость.

Этот дуализм мы находим и в стихах Комарова. Вот поэт, живущий на девятом этаже, смотрит с высоты на облака... и что же он видит, о чём мыслит?

Вдали шлифует рельсы скорый,
Чуть ближе — стройка: пыль и чад...
В окно не заберутся воры,
но и друзья не постучат.

Казалось бы, банальное рассуждение (как много у Комарова стихов, прикидывающихся банальными!), но за ним угадывается мысль: чем выше поднимается человек, тем скорее он лишается и врагов, и друзей. Этот выход от частного к общему не всегда явен, но почти всегда явлен.

Комаров любит *порассуждать*. Эти рассуждения не из той области, о которой мы говорим словами сатирика Иванова: *образованность всё хочут показать*. Как раз-таки этого, похвальбы образованностью, и нет в стихах Комарова. Напротив, они обыденны, просты и незатейливы. Это рассуждения парня с нашего двора, *человека с Фонтанки*. Но... они изящны! Поэт виртуозно владеет разговорной интонацией и, казалось бы, без труда облекает её в рифмованные формы. Но что стоит за этой лёгкостью?

Вы знаете, как работает закон перехода количества в качество? Не знаете? Тогда прочитайте это стихотворение:

*Я факты соберу. А после их сложенья —
хотите? — сообщу свои **соображенья**.
Есть вороха проблем, которые понять я
стремлюсь, чтоб довести до вас свои **понятья**.
Как часто спорим мы — и рады, и не рады, —
когда отстаиваем собственные **взгляды**.
А иногда, глядишь, не зная даже — кто вы, —
мы **мнение** своё вам высказать готовы...
Да нам и без того найдётся чем гордиться:
обычаев — не счесть, не сосчитать **традиций**.
А то — порой смешны, а иногда и жутки, —
во всё суют носы тупые **предрассудки**.
Когда же это всё мы вдруг однажды сложим,
то сумму объявить **мировоззреньем** сможем.*

Вот так из сложения соображений, понятий, мнений, взглядов, обычаев, традиций, предрассудков складывается мировоззрение, то есть система философских представлений о мире.

Что же касается самих философов, то поэт явно их недолюбливает — не потому ли, что в своих рассуждениях о высоких материях они погрязли в терминологии, замкнулись в своей косяной башне? Поэт же старается приблизить к человеку понятие философии, выявить её истинную природу.

*Что мне до философии? Она
и без меня присутствует повсюду,
Как соль в морской волне, растворена.*

Вот оно — отношение автора к философии: философия — повсюду. Иначе — она сама жизнь. И поэт Александр Комаров подтверждает это своими стихами.

Когда-то одна заслуженная поэтесса возмутилась: «У Комарова слова обозначают не то, что они должны обозначать!» Но молодого поэта Александра Комарова тогда такая критика не смутила — ведь именно так и нужно писать поэту: открывать в словах новые смыслы или воскрешать старые, давно забытые. Именно в таком старом, исконном, смысле следует воспринимать название последней его книги. «Общие слова» — это те самые слова, которые нас объединяют в единую общность, так же, как общий язык или общий дом.

*У всех у нас на них одни права:
ведь это наши, общие слова.*

Читателя, взявшего книгу в руки, это название может отпугнуть. Что ещё за «Общие слова»? А где же «лица необщие выражение»²? Но эта двусмысленность — иронична, как ироничны многие стихи Александра Комарова, хотя вопросы, которые они поднимают, почти всегда серьёзны. Действительно, поэт говорит со своим читателем именно на *общем*, понятном языке, не чураясь разговорной интонации. И темы, поднимаемые в стихах его книг, тоже *общие*, понятные всякому человеку. Разговаривая с читателем на общем с ним языке, Комаров старательно избегает опасности встать *над* читателем, поэтому даже в тех стихотворениях, где он назидателен, он снижает высоту строки лёгкой иронией. Он скорее обзовёт себя неучем, идиотом, чем позволит себе свысока поучать кого-либо. Но не следует поддаваться на эти провокации, Поэт Александр Комаров совсем не прост. Вот, например, он пишет о себе:

*Я во-первых, во-вторых и в-третьих
и не критик, и не теоретик,
и за мною есть позорный фактик:
я всего лишь действующий практик.*

Всё — правда, и то, что поэт писал стихи — *действовал*, до последних дней, и то, что теоретизировать не любил, а если и высказывался, то коротко и по сути. Но в этом стихотворении самоуничижение, заявленное в начале (*позорный фактик... всего лишь... практик*), выводит в итоге на тему твёрдого взаимопонимания между практиками (в отличие от теоретиков). И с кем же Комаров находит такое взаимопонимание с *полужестом*? С Горбовским!

*Вон Горбовский: пробурчит невнятно
да рукой взмахнёт... И всё понятно!*

Поэт Александр Комаров знает себе цену, но выражает её в неявных формулах. Маскирует и прячет, притворяется *вторым*, уступая место *первым*, и правильно понять и оценить его можно только при внимательном чтении.

Вот он рассуждает о Достоевском и сетует, что не сумел в своё время высказать негативные свои впечатления о его книгах, а На-

² Е. Боратынский «Муза»: «... Её лица необщим выраженьем, / Её речей спокойной простотой; / И он, скорей чем едким осужденьем, / Её почитит небрежной похвалой». *Прим. ред.*

боков — сумел. Вот она, та шкала, по которой измеряет поэт своё творчество: Горбовский, Набоков! Вот к кому примеряет он свои *общие* слова.

Александра Комарова можно условно отнести к поэтам-семи-десятникам, которых сегодня остаётся все меньше и меньше: они уходят по одному, подчас позабытые читателями. Неожиданный уход из жизни Александра Комарова — поэта, который определял одно из направлений петербургской поэзии, продолжая традиции Пушкина, — несомненная утрата для отечественной литературы.

В одном из своих последних стихотворений, которое сохранилось только в рукописи, Комаров пишет, и это звучит как завещание:

*Пускай в неизвестности умру.
пускай другим судьба мирволит.
Зато собратья по перу
меня цитировать изволят.*

*И предназначенный удел
приму смиренно, без стенанья:
не громкой славы я хотел,
а только — скромного признанья.*

*Но и признанья нет как нет.
Ну что ж, / читателям неведом, —
задам через полсотни лет
забот литературоведам.*

*Уж эти наломают дров
и копий, / докопаться чтобы —
что это там за Комаров
был упомянут у Толстобы?*

*Мне что! — я буду неживой...
И всё-таки неловко, братцы,
стать не землёю, не травой,
а — темою для диссертаций.*

Хочется надеяться, что не только высоколобые литературоведы вспомнят о поэте Александре Комарове, но и рядовые читатели, любители хорошей поэзии, и не через полсотни лет, а гораздо раньше. Гораздо раньше...